

О. П. Ермакова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ЗНАЧЕНИЯ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ
В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Ольга Павловна Ермакова

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Зав. редакцией М. Ф. Вавжонек
Редактор С. Н. Лацис
Художественный редактор А. С. Широков
Технический редактор С. Ю. Снутнова
Корректор В. Н. Ермакова

ИБ № 2030

Сдано в набор 04.05.83. Подписано в печать
15.11.83. Формат 60×90^{1/16}. Бумага кн. журн.
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Усл. печ. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 10,77. Тираж 8500 экз. За-
каз № 382. Цена 45 коп.

Издательство «Русский язык».

103012, Москва, Старопанский пер., 1/5.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Фразеологичность семантики производных слов	5
Семантика производных слов в связи с разграничением лексической и синтаксической деривации	10
Фразеологичность семантики у производных разных частей речи	12
Фразеологичность семантики производных и типы значений мотивирующих	16
Фразеологичность семантики производных при эллиптической мотивации	22
Типы семантических приращений в значениях производных слов	25
Фразеологичность семантики и мотивированность производного	37
Фразеологичность семантики и членность слова	39
Фразеологичность семантики и порождающая способность производных слов	43
Расхождение формальной и семантической производности	50
Глава вторая. Типология лексических значений и семантика производных слов	54
Глава третья. Многозначность производных слов	73
Сложность словообразовательной структуры слова и лексическая многозначность	73
Противопоставленность разных типов производных слов по признаку открытости/закрытости семантической структуры . .	75
Усвоение производными переносных значений производящих . .	81
Многозначность производных существительных с фразеологичной семантикой	89
Многозначность нефразеологичных существительных	96
Организация разных значений производного многозначного слова	117
Однотипность семантической парадигмы производных слов при однотипности их словообразовательных структур	121
Производные с потенциальными переносными значениями . . .	127
Производные слова, имеющие потенциальное прямое и узусальное переносное значения	129
Синонимия производных слов с одинаковой словообразовательной структурой	135
Практикум	144
Литература	148

О. П. Ермакова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ЗНАЧЕНИЯ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ
В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Москва
«Русский язык»
1984

Рецензенты: кафедра общего языкознания
историко-филологического факультета
УДН им. П. Лумумбы; д-р филол. наук Е. А. Земская

- Ермакова О. П.
Е72 Лексические значения производных слов в русском языке. — М.: Рус. яз., 1984. — 152 с.

В книге описываются словообразовательные структуры разных частей речи. Рассматривается вопрос о том, как слова одной и той же структуры можно использовать для наименования разных явлений действительности (*ночник* — лампа, *человек, работающий ночью*, *самолет* и т. п.). Проводится сопоставление производных слов (однозначных и многозначных) в славянских и других языках. Дается типология лексических значений этих слов. Приводятся упражнения, с тем чтобы помочь иностранным учащимся освоить значения производных слов, научиться их правильно понимать и анализировать.

Предназначается для советских и зарубежных преподавателей русского языка как иностранного, методистов, студентов-филологов, составителей учебных пособий.

Е 4602010000-046
015(01)-84 20-84

ББК 74.261.3

© Издательство «Русский язык», 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

В составе любого языка с высокоразвитой словообразовательной системой производные слова составляют основной массив. Это в полной мере относится к русскому языку. Поэтому в его изучении очень существенно освоение лексической семантики производных слов, что представляет особую трудность для иностранцев.

Семантика производных слов в последние годы изучается весьма интенсивно¹. Неугасающий интерес лингвистов к семантике производных слов вполне закономерен: объект исследования сложен и многосторонен. Мотивированность значения производного слова, опосредствованность в силу этого связей его с внеязыковой действительностью, многосторонность связей с другими единицами лексической системы языка обуславливают такие особенности его семантики, которые не свойственны значениям непродвиженных слов.

В данной книге рассматриваются три недостаточно изученные проблемы лексической семантики: фразеологичность/нефразеологичность производных слов, типы их лексических значений, лексическая многозначность производных.

В центре внимания находится та особенность лексической семантики производных слов, которая в русской лингвистической традиции получила название фразеологичности (идиоматичности). Это объясняется не только тем, что фразеологичность — особенность значения именно производных слов, но и тем, что вся «жизнь» производного слова в значительной степени обусловлена наличием или отсутствием фразеологичности семантики.

Знание свойств производного слова имеет большое практическое значение, прежде всего для изучения русского языка иностранцами. Не случайно методисты рассматривают изучение словообразования в качестве одного из путей овладения словарным запасом русского языка (Трушина, 1977). Изучающий русский язык как неродной должен представлять себе, в какой мере возможно понимание русских производных слов по значениям составляющих их частей, все ли типы производных слов одинаковы с этой точки зрения, существуют ли в сфере фразеологичности семантики производных слов определенные закономерности.

В книге рассматривается целый ряд вопросов, относящихся к проблеме фразеологичности семантики. Выясняется, одинаково ли свойственна фразеологичность производным разных частей речи, от чего зависит это явление, что представляет собой так называемое семантическое приращение у производных с фразеологичной семантикой и каковы возможные типы семантических приращений.

Обнаруженные в этой области закономерности оказываются общими прежде всего для разных славянских языков, а в определенных случаях имеют характер семантических универсалий (разумеется, для тех языков, где встречаются соответствующие аффиксальные образования). В типологии лексических значений до сих пор не учитывались различия в значениях производных и непродвиженных слов. Между тем многие понятия в этой области требуют уточнения, а иногда просто получают иное содержание применительно к словам производным.

¹ Только в Советском Союзе в 70—80-е гг. появилось несколько значительных работ, посвященных семантическим проблемам словообразования (см. работы Е. С. Кубряковой, А. Н. Тихонова, И. С. Улуканова, В. Н. Хохлачевой, Р. С. Манучаряна, П. А. Соболевой, Е. Л. Гинзбурга, И. Г. Милославского и др.).

Существенно, что определенные типы лексических значений в русском языке свойственны и определенным словообразовательным структурам, что некоторые типы производных слов создаются для «обслуживания» лишь отдельных синтаксических функций. Понятия «прямое значение» и «переносное значение» получают разное содержание в применении к производным и непроизводным словам. Не безразличным к словообразовательным структурам производных слов оказывается и так называемое фразеологически связанное значение.

Лексическая многозначность одних типов производных слов может быть очень близка к многозначности непроизводных, многозначность других отличается своеобразием. Одни производные слова, как правило, вообще обречены на однозначность, другие, напротив, представляют собой открытые структуры: вмещают неограниченное количество прямых значений, связанных общностью производящей основы. Эти особенности обусловлены, с одной стороны, тем, к какому функциональному типу относятся производные слова, а с другой — какой словообразовательный тип они представляют. По-разному в этом отношении ведут себя производные фразеологичные и лишенные фразеологичности семантики.

Несмотря на то что лексика в целом носит менее упорядоченный и системный характер, чем остальные уровни языка, семантические законы нередко оказываются более универсальными, чем другие. У слов производных это выражено наиболее отчетливо.

Книга предназначена для преподавателей, обучающих иностранцев русскому языку, для студентов филологических факультетов, а также для всех лиц, интересующихся проблемами русского словообразования и лексической семантики.

В задачу книги входит прежде всего освещение особенностей лексической семантики производных, основных закономерностей в области устройства их значений и организации многозначности. Описание ведется на материале наиболее употребительных слов русского литературного языка, преимущественно нейтральных и разговорных.

Для практического овладения материалом пособия предлагаются некоторые виды упражнений, в основном для продвинутого этапа обучения.

Автор выражает глубокую признательность рецензентам книги: доктору филологических наук Е. А. Земской и доктору филологических наук И. С. Улуханову.

Глава первая

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Все производные слова с точки зрения семантики делятся на две большие группы. В одну входят слова, лексические значения которых полностью складываются из значений составляющих их частей, например, значение слова *столик* ('маленький стол') представляет собой чистую сумму значений производящей основы *стол* и значения суффикса *-ик* ('маленький'). Аналогично складывается из значений морфем лексическое значение слова *тигренок* ('детеныш тигра') и значения многих других слов в русском языке.

Другая группа — это слова, лексические значения которых не представляют собой простую сумму значений их частей. Так, складывая значения частей слова *синяк* (значение производящего прилагательного *синий* и предметное значение суффикса *-ак*), можно получить лишь значение 'предмет синего цвета', но это не будет лексическим значением данного слова: оно обозначает не любой предмет синего цвета, а только 'кровоподтек синего цвета' (другие значения этого слова менее употребительны, но они имеют ту же природу). Слов второй группы в русском языке не меньше, а может быть, и больше, чем первой.

Способность слова выражать в своем лексическом значении нечто большее, чем то, что содержится в совокупности значений его составных частей, раньше других лингвистов в отечественном языке отметил А. М. Пешковский (1959). Анализируя состав и значения слов *белок* и *желток*, он писал: «Первая принадлежность этих слов означает определенный цвет, вторая означает „предмет, обладающий этим цветом“, третья (здесь по звукам отсутствующая, так называемая „отрицательная“) — общую предметность, единичность и т. д. Но где же та принадлежность, которая обозначает „желтое (или белое) вещество яйца“? Что у суффикса *-ок* не может быть такого специфически „яичного“ смысла, ясно из того, что смысл всякого суффикса общий, а это значение является только в этих двух словах русского языка. В принадлежностях *желт-*, *бел-* тоже никакого указания на яйцо нет. <...> Очевидно, — делает вывод А. М. Пешковский, — этот смысл создается только индивидуальным соединением именно этих двух принадлежностей и не

относится ни к одной из них в отдельности» (с. 81). Анализируя вслед за тем слова *синяк, краснуха, варенуха, водяной*, А. М. Пешковский приходит к важному теоретическому положению: «...В некоторых случаях в общем значении слова есть такие элементы, которых нет ни в одной из его принадлежностей» (с. 82).

В работах М. В. Панова эта особенность значения слова получила название фразеологичности семантики. М. В. Панов (1956) отмечает, что в слове «целое есть не только произведение частей, но и еще добавочно некая величина $A \times B + (x)$ » (с. 146).

Фразеологичность как особенность семантики производных слов рассматривалась советскими, польскими и чешскими лингвистами.

Наиболее часто к понятию фразеологичности семантики обращаются отечественные языковеды — Е. А. Земская, Е. Л. Гинзбург, Е. С. Кубрякова, И. С. Улукханов, И. Г. Милославский и др.

Следует заметить, что в лексикографической практике еще до появления в этой области теоретических работ различались производные слова, значения которых можно определить по составляющим, и те производные, которые не могут быть так истолкованы. Ср., например, следующие замечания во введении к Словарю Ушакова: «Из существительных не помещены в словаре ради экономии очень многие из производных, значение которых ясно из их образования, если они не имеют других, кроме указанных ниже значений, вносимых суффиксами». Среди примеров даны существительные с уменьшительными суффиксами, с суффиксами *-тель, -щик* типа *возобновитель, выставлальщик*, сложные — типа *гребобразование, нефтепроводка* и др.

Итак, различаются производные слова с фразеологичной и с нефразеологичной семантикой. Лексические значения первых кроме значения морфем содержат добавочные смысловые компоненты, которых нет ни в значениях производящих основ, ни в значениях производящих аффиксов. Компоненты смысла, не получающие формального выражения, будем называть **смысловыми приращениями**. Приведем некоторые примеры смысловых приращений.

В значении слова *дошкольный* ('относящийся ко времени до поступления ребенка в школу') никакие морфы не содержат части 'поступления' и 'ребенка'. Они составляют смысловое приращение. В значении слова *регулирущик* ('тот, кто регулирует движение транспорта на повороте, на перекрестке дорог, улиц') на долю приращения придается части 'транспорта' и 'на перекрестке', они также не содержатся ни в значении глагола *регулировать*, ни в значении суффикса *-щик*. Сравнение синонимичных слов *рыбак* и *рыболов* показывает, что в слове *рыбак* не выражено формально значение действия, которое обозначено вторым корнем в слове *рыболов*.

Лексические значения слов, семантика которых нефразеологична, легко определить, если известны значения их составных частей. Так, зная, что *верблюд* — это животное, *аист* — это птица, а суффикс *-онок* имеет значение невзрослости, опреде-

лить значения слов *верблюжонок* и *аистенок* не составляет труда.

Значения фразеологических по семантике слов нельзя полностью вывести из значений морфем. Зная, что слова *утро*, *день*, *вечер*, *ночь* называют части суток, а суффикс *-ник* имеет предметное значение, мы не сможем путем сложения смыслов определить реальные лексические значения слов *утренник* ('утренний спектакль'), *дневник* ('тетрадь для ежедневных записей'), *вечерник* ('студент вечернего института или техникума'), *ночник* ('лампа слабого освещения, зажигаемая на ночь', 'тот, кто работает в ночное время'), потому что все они имеют индивидуальную семантическую структуру, содержат различные смысловые приращения, которые нельзя вывести из словообразовательной структуры производных слов, их надо просто знать. Надо знать, почему *дождевик*: 1) 'летнее пальто для защиты от дождя' (это мог быть и зонтик), 2) 'гриб, вырастающий вскоре после дождя', а *снеговик* — 'снежная баба'; почему *медовик* — 'медовый пряник', а *жировик* — 'доброкачественная опухоль'. Даже слова, образованные от синонимичных основ одними и теми же или синонимичными аффиксами, могут называть столь разные предметы, что по значению одного никак нельзя определить значение другого. Ср. *попутчик* — 'тот, кто идет или едет по одному с кем-то пути' и *подорожник* — 1) 'дикорастущая трава (часто у дороги)', 2) 'небольшая птичка', 3) 'пирожок, лепешка, взятые в дорогу'.

В настоящее время явление фразеологичности семантики производных слов понимается как невозможность (или неполная возможность) синтезировать значение целого из известных значений составных частей или как невыраженность определенной части значения целого его морфемными составляющими. Эти два подхода — с точки зрения синтеза и с точки зрения анализа — могут иметь общие задачи и даже решения, но в основе своей принципиально различны.

Известное нам лексическое значение слова может полностью распределиться между составляющими его частями. В то же время синтезирование этого значения, если оно нам неизвестно, зависит от ряда условий. В случае многозначности производящей основы или производящего аффикса мы должны знать, какое из своих значений они реализуют в составе данного производного. Это, как правило, непредсказуемо. Так, синтезируя значение слова *писатель* ('лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью'), мы не можем объяснить, почему в составе этого слова реализуется значение глагола *писать* 'заниматься литературной деятельностью', а не другое (например, 'служить для воспроизведения от руки письменных знаков на бумаге или на другом материале' или 'сообщать, извещать о чем-л. в письменной или печатной форме' и др.). Непредсказуемым также оказывается использование значения лица, а не орудия у суффикса *-тель*. При другом зна-

чении глагола и орудийном значении суффикса это слово могло называть то, чем пишут (карандаш, ручку и т. п.). Таким образом, с точки зрения синтеза, это слово фразеологично, с точки зрения анализа это не так: его значение распределяется по морфемным составляющим и не содержит смыслового приращения.

Надо заметить, что это в той же мере относится к значению любого свободного сочетания слов: мы можем вывести его значение из значений составляющих единиц лишь при условии известности их значений, поскольку сами составляющие совсем не всегда сигнализируют значения друг друга. Ср., например, неоднозначность таких сочетаний слов, как: *купить кролика* ('животное', 'мясо этого животного'), *мех этого животного*); *хороший класс* ('помещение', 'учащиеся'); *ненавижу ослов* ('животных', 'людей'); *хороший хозяин* (по отношению к собственности, по отношению к гостям) и т. п. Естественно, что в условиях контекста всего высказывания, ситуации, как правило (хотя и не всегда), становится ясным, реализуемое в сочетании значение. То же самое происходит и с составными частями слова, ср.: *Он ужасный хитрец*, где ясно, что речь идет не о хитром взгляде или хитром виде, а о хитром человеке; следовательно, ясно, каким значением слова *хитрый* мотивируется слово *хитрец*.

Чаще всего слово бывает фразеологичным (или нефразеологичным) и с точки зрения синтеза, и с точки зрения анализа.

Слова, несомненно фразеологичные с точки зрения анализа (они содержат формально не выраженное смысловое приращение), могут быть различными по возможности синтеза их значения. Это нередко наблюдается у слов одной и той же словообразовательной структуры. Так, из двух одинаково образованных слов *бессмертник* (цветок) и *бесстыдник* (человек), *зачетка* (зачетная книжка студента) и *нержавеяка* (разговорное название нержавеющей стали), *дубовик* (гриб) и *беловик* (беловая рукопись) каждое второе слово может быть понято в соответствии с его значением, поскольку сочетаемость производящих крайне ограничена: прилагательное *нержавеющий* сочетается только со словом *сталь* (во всяком случае, вне специального употребления), *беловой* — со словом *рукопись*, в то время как производящие слов *зачетка* и *дубовик* таких ограничений не имеют¹.

В некоторых случаях возможность синтезировать значение обуславливается не столько языковыми факторами, сколько отложившимися в сознании привычными отношениями вещей. Например, слово *фальшивомонетчик* 'тот, кто изготавливает фальшивые деньги' скорее всего будет понято именно так, хотя его структура допускает значение 'тот, кто собирает фальшивые монеты', подобно слову *книжник* 'тот, кто любит, знает и собирает книги'. Не исключено, конечно, истолкование этого слова как названия станка для печатания фальшивых монет (суффикс *-чик* может выражать и орудийное значение, правда,

¹ Возникновение существительных на основе сочетаний, где прилагательное имеет единственное определяемое (и потому не нуждается в нем), отмечалось уже А. А. Потебней (1968, с. 42) в связи с исследованием причин субстантивации.

как правило, в образованиях от глагольных основ типа *передатчик*).

На основе двух подходов к описываемому явлению можно выделить три типа производных слов:

1) фразеологичные с точки зрения синтеза — *писатель, хитрец* и т. п.: не зная, какие значения производящих используются для мотивации производных, нельзя получить значение целого из составляющих его частей, но известное нам значение целого распределяется по ним без остатка;

2) фразеологичные с точки зрения анализа — *аскорбинка, нержавейка*: не выражена формально часть лексического значения, но определить его по составляющим возможно (прилагательное *аскорбиновый* предполагает только существительное *кислота*, а *нержавеющий* — *сталь*);

3) фразеологичные и с точки зрения синтеза, и с точки зрения анализа — *желток, синяк, теплица, молочник* и др.: получить значение целого по составляющим невозможно, при этом часть лексического значения не находит формального выражения.

Фразеологичность семантики производного нередко устанавливается ошибочно, если не учитывается, что мотивирующим может быть не первичное, а вторичное значение производящего слова, при соотнесении с которым уже не удастся обнаружить семантическое добавление. Так, слово *вздыхатель* ('влюбленный') воспринимается повышенно фразеологичным при сопоставлении его значения со значением глагола *вздыхать* 'производить вздох', однако эта фразеологичность оказывается мнимой, поскольку существительное мотивировано не этим значением глагола *вздыхать*, а его переносным — 'питать к кому-л. нежные чувства, быть влюбленным' (*вздыхать о ком-нибудь*).

Явление фразеологичности семантики производных слов наблюдается в разных языках, но более всего оно характерно для славянских языков.

Наличие или отсутствие идиоматичности семантики обуславливает целый ряд существенных особенностей «в жизни» производных слов: большую или меньшую склонность к многозначности, своеобразие семантической структуры многозначного слова, порождающую способность и другие особенности. В связи с этим важно остановиться на следующих вопросах:

1) одинакова ли фразеологичность производных, относящихся к разным частям речи и к разным функциональным разрядам слов внутри одной части речи;

2) как обусловлено наличие или отсутствие идиоматичности значения производных характером мотивирующих слов: их принадлежностью к частям речи, семантическому разряду и т. д.;

3) какие типы семантического приращения можно установить у разных производных;

4) влияет ли фразеологичность семантики на членимость слов;

5) сохраняется ли фразеологичность в цепи производности.

Возникает вопрос, существуют ли какие-то закономерности, какие-то общие условия, определяющие наличие или отсутствие фразеологичности семантики у разных типов производных слов.

Наблюдения показывают, что, как правило, лишены фразеологичности семантики все так называемые модификационные образования (типа *домик, домище, тигренок, волчица, хозяйка, москвичка*², *розоватый, премилый, ультрасовременный, здоровенный*) и производные, составляющие область синтаксической деривации.

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В СВЯЗИ С РАЗГРАНИЧЕНИЕМ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Значения производных слов по-разному соотносятся со значениями своих производящих. Это соотношение имеет несколько аспектов. Один из них: всегда ли лексическое значение производного отличается от значения производящего?

С этой точки зрения различаются два типа производных:

1) лексическое значение производного не тождественно лексическому значению производящего (с изменением или без изменения части речи): *учитель, домик, лесистый* и т. п.; 2) лексическое значение производного тождественно лексическому значению производящего, но отличается от него принадлежностью к другой части речи, следовательно, общекатегориальным значением и синтаксической функцией: *приход, смелость, героически* и др.

Производные первого типа польский лингвист Е. Курилович предложил назвать лексическими дериватами, а производные второго типа — синтаксическими дериватами. Е. Курилович (1962) отмечает: «Синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой» (с. 61).

В других терминах это явление отметил и частично описал Ш. Балли (1955): «Языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, прилагательного, наречия), к которой он не принадлежит. Так, например, существитель-

² Образования типа *генеральша* не являются модификационными (*генеральша* — это жена генерала, а не женщина-генерал) и потому не лишены фразеологичности. В отдельных случаях возможны семантические обособления и у собственно модификационных образований, например *добренький, культурненько* и др.

ные *planète* „планета“ и *samraigne* „деревня“, не меняя своего значения, становятся (функционально) прилагательными в (*système*) *planétaire* „планетная (система)“ и (*maison*): *de samraigne* „деревенский (дом)“. Такую систему грамматических замен мы будем называть функциональной транспозицией» (с. 131). Таким образом, Ш. Балли также отмечал существование производных, отличающихся от производящих принадлежностью к иной части речи без изменения лексического значения.

Сфера синтаксической деривации представлена в русском языке несколькими словообразовательными типами:

1) отглагольные существительные со значением отвлеченного действия, образованные различными суффиксами (включая и нулевой), типа *исследование*, *перепечатывание*, *развитие*, *отправка*, *остановка*, *погрузка*, *ходьба*, *бег*, *отъезд* и т. п.;

2) отадективные существительные со значением отвлеченного признака типа *веселость*, *громкость*, *простота*, *близина*, *лукавство*, *синева*, *синь* и т. д.;

3) отсубстантивные и отглагольные прилагательные, выражающие общее, неконкретизированное отношение к предмету или к действию, типа *комнатный*, *дорожный*, *лесной*, *вкусовой*, *сосновый*, *фронтный*, *жестяной*, *соломенный*, *соловьиный*, *бараний*, *московский*, *стиральный*, *гладильный* и т. п.³;

4) отадективные наречия (от качественных по значению прилагательных и окачествленных причастий) с суффиксами *-о*, *-е*, *-и* и суффиксально-префиксальные с приставкой *по-* и суффиксом *-ому* типа *ласково*, *певуче*, *обиженно*, *чарующе*, *героически*, *по-глупому*, *по-серьезному* и т. п.

Таким образом, в русском языке, с нашей точки зрения, есть функциональная субстантивная и адективная транспозиции глагола, субстантивная транспозиция прилагательного, адективная транспозиция существительного и наречная транспозиция прилагательного.

Лексические значения производных, относящихся к приведенным выше типам, совпадают с мотивирующими их лексическими значениями производящих. Так, существительное *остановка* обозначает то же действие, что и производящий глагол. При этом производное и производящее имеют разные категориальные значения и, следовательно, разные синтаксические функции, что и составляет, при тождестве их лексического значения, специфику синтаксической деривации. То, что определенные значения глагола могут не найти отражения в семантической структуре существительного *nomina actionis* и что существительное может иметь и другие, не «действенные» значения (например, места), — вопрос лексической семантики, который очень интересен, но для решения которого не менее важно разобраться в разных типах производных. На наш взгляд,

³ О других точках зрения на явления лексической и синтаксической деривации см.: Гинзбург, 1972; Кубрякова, 1981; Dokulil, 1982; Шатуновский, 1982.

учение о лексической и синтаксической деривации в определенной степени позволяет это сделать.

Отнесение к синтаксическим дериватам относительных прилагательных нередко вызывает возражение на том основании, что существительные обозначают предмет, а прилагательные — признак. Но ведь категориально аналогично различаются *бег* и *бежать*: существительное называет предмет, а глагол — действие. Выражение общего неконкретизированного отношения к предмету посредством суффикса прилагательного и есть транспозиция существительного в форму прилагательного. Во всяком случае, такая точка зрения имеет право на существование наряду с отрицающей ее.

За исключением приведенных выше типов производные слова составляют область лексической деривации.

Как соотносятся понятия лексической и синтаксической деривации и фразеологичности семантики?

Производные, семантика которых фразеологична, представлены только лексическими дериватами. Нефразеологичные производные включают в себя и лексические, и синтаксические дериваты.

Два типа производных — модификационные образования и синтаксические дериваты — лишены фразеологичности семантики вне зависимости от характера мотивации и других условий.

Среди производных, не составляющих область модификационных образований и синтаксических дериватов, также встречаются типы слов, лишенных фразеологичности, но это связано с определенными условиями, которые будут рассмотрены ниже.

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ У ПРОИЗВОДНЫХ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Фразеологичность семантики неодинаково присуща производным, относящимся к разным частям речи. Более всего она свойственна существительным. Значительно менее характерна идиоматичность лексического значения для производных глаголов и прилагательных. Наречие в этом отношении представляет неоднородное явление: все продуктивные типы наречий, как правило, лишены фразеологичности, все непродуктивные типы фразеологичны.

Идиоматичность значения слова иллюстрируется во всех работах примерами существительных — самой фразеологичной по семантике части речи.

Фразеологичность существительных в значительной степени объясняется тем, что это самая номинативная часть речи. Ее номинативность носит наиболее непосредственный характер.

Кроме того, можно отметить и ряд причин словообразовательного характера, в силу которых производные существительные оказываются наиболее фразеологичными среди других

частей речи. Это различие становится заметным при сравнении семантики производных разных частей речи, имеющих однотипные или одни и те же мотивирующие:

Так, глаголы, мотивированные качественными прилагательными, как правило, нефразеологичны, например: *синеть, белеть, пустеть, теплеть*. Их лексические значения ('становиться синим, белым, пустым и т. д.') распределяются по морфемным составляющим. Значение суффикса *-е-* — 'становление признака'. Глаголы с суффиксом *-и-* (*синить, белить, сушить* и т. д.) обладают значением 'делать что-то синим, белым, сухим и т. д.'. Значение суффикса — 'наделение объекта признаком'.

Существительные, мотивированные этими прилагательными, фразеологичны, например: *синяк, белок, пустыня, теплица, сухарь* и др.

Сравним однокоренные однотипные по способу образования отсубстантивные прилагательные и существительные:

нагрудный	—	нагрудник	подстрочный	—	подстрочник
наглазый	—	наглазник	наручный	—	наручники
подводный	—	подводник	заплечный	—	заплечье
подснежный	—	подснежник	медовый	—	медовик
подоконный	—	подоконник	бетонный	—	бетонка
подлесный	—	подлесок	мясной	—	мясник
подземный	—	подземелье	грудной	—	грудница

Рассмотрим семантику отыменных прилагательных. По наличию или отсутствию фразеологичности значение этих слов не одинаково. Среди них есть производные, полностью лишенные фразеологичности семантики, такие, как *подводный, подснежный, подземный, подстрочный, медовый, мясной, грудной*. Их значения складываются из значения составляющих и совпадают со словообразовательными. Ср. *подводный* — 'находящийся под водой', *грудной* — 'относящийся к груди' и т. д. Значения некоторых из них не вполне лишены фразеологичности. Так, *наручный, заплечный* не значат 'находящийся на руках или за плечами', но 'предназначенный для ношения на руке' и 'предназначенный для ношения за плечами'. Если среди прилагательных встречается определенное количество слов, семантика которых лишена фразеологичности, то среди приведенных существительных таких слов нет. Каждое из них обозначает либо предмет, либо лицо, но по значению составляющих мы не можем определить конкретное лексическое значение ни одного из этих слов, а при распределении известного нам значения целого по формальным составляющим для определенной доли значения мы не находим формальной части у каждого слова.

Наблюдение над отсубстантивными глаголами и существительными, имеющими те же мотивирующие, показывает, что в состав разных частей речи мотивирующее существительное входит по-разному. Поясним это на некоторых группах слов.

В состав производных глаголов слова предметной семантики входят, внося значение отношения к действию. Этого тре-

бует категориальная семантика глагола независимо от его словообразовательного значения. Известно, что существительное по отношению к действию может обозначать его субъект, объект, орудие, средство, место, время и результат. Лексическая семантика существительных ограничивает эти актантные возможности: например, у слов типа *вечер* исключаются значения места, орудия, результата, объекта и т. д., у слов типа *утюг* — все значения, кроме орудийного и объектного, и т. д. Названия орудий, мотивируя глаголы, порождают только значения действий, производимых посредством этого орудия. Чем однозначнее орудие определяет действие, тем менее вероятно фразеологичность семантики производного глагола, мотивированного названием такого орудия; например: *утюжить, сверлить, бурить, чехлить, лопатить, мотыжить, багрить, гарпунить* и т. д. Прямое использование орудий, названных в основе глаголов, предполагает вполне определенное действие⁴. Конечно, утюг может быть не только орудием, но и объектом — результатом действия (*делать утюги*). Но такое понимание этого слова и других орудийных слов в составе производных глаголов (и следовательно, другое «прочтение» семантики глаголов — *утюжить* — ‘делать утюги’, *мотыжить* — ‘делать мотыги’ и т. д.) лишает всю эту группу глаголов значения переходности.

То же самое можно сказать о включении в состав глаголов названий средств действия. Категориальная семантика глаголов плюс переходность глаголов на *-ить* обуславливает однозначное понимание глаголов *солить, перчить, сахарить, серебрить* — ‘воздействовать на предмет посредством того, что названо производящей основой’, в соответствии же с лексическим значением слов *соль, перец, сахар* глаголы значат ‘добавлять в пищу соль, перец, сахар’, а в соответствии со значением слова *серебро* — ‘покрывать слоем серебра’.

Названия животных входят в состав производных глаголов (эти глаголы, как известно, в русском языке немногочисленны) всегда одинаково. Глаголы усваивают только их переносное значение (реальное, а иногда потенциальное), при этом существительные проявляют скорее признаковое, чем собственно предметное значение. В разных (по характеру форманта) словообразовательных типах на *-ить, -еть, -ничать* (у некоторых устарелых на *-ствовать*) эти слова в сочетании с глагольным дериватором обозначают проявление признака, характерного для данного животного, или, вернее, приписанного ему в нашем бытовом представлении, например: *звереть* — ‘свирипеть’, *ишачить* — ‘выполнять тяжелую работу’, *лисить* — ‘хитрить, хитро льстить’, *обайбачиться* — ‘облениваться’, *оскотиниться* — ‘огрубеть’, *скорпионить* — ‘язвить’, *петушиться* — ‘вести себя задни-

⁴ Не прямое применение трудно ограничить: утюгом можно колоть орехи, забивать гвозди, можно использовать его как пресс, можно им ударить кого-л. (ср. перен. прост. *утюжить* — ‘бить’) и т. д.